

Культура. - 1996. - 2 марта. - с. 9.

Чем бы дитя ни тешилось

ПАРАДОКСЫ

Вера ЧАЙКОВСКАЯ

Тут, пожалуй, не обойтись без понятия "стоицизм", которое характеризует довольно многих самобытных художников наших дней, ушедших в глубокое внутреннее подполье и, в отличие от политического "андеграунда", так до сих пор из этого подполья не вышедших. Это художники, которых бесконечное внешнее давление государства, смена мод, режимов, политической и художественной конъюнктуры приучили к одному: ничего не ждать от общества и доверять только своему внутреннему голосу и своему призванию. Так что "почтеннейшая публика" художнику такого рода почти уже и не нужна — не мешали бы жить, то есть писать картины (музыку, стихи). Причем такие, каких требует внутреннее чувство, а не идеологическое руководство (прежде) или шустрый галерейщик (теперь).

Оттого-то у Владимира Муравьева в его зрелом возрасте ни известности (хотя бы в узких кругах), ни выставок, ни каталогов, ни веселых презентаций, которые могли бы потешить не утратившее вкуса к веселью детское сердце.

И даже когда в редких случаях картины Муравьева выставляются в какой-нибудь га-

Есть знаменитый евангельский завет, обращенный ко взрослым: "Будьте, как дети", которому московский художник Владимир Муравьев, на первый взгляд, не следует. В общении он замкнут и непрост, с прочими художниками "не тусуется", показывать свои работы в мастерской не любит (в отличие от детей, которые рады любому вниманию). Что же касается официальных выставок, то они благополучно миновали, и, кажется, художник этому обстоятельству даже рад. Как это понять? Что это?

Конечно, сам художник на вернисаж не является (чему я удивленный и заинтригованный свидетель). И уж не знаю, что тут срabатывает, — долготная ли привычка к "одному бдению", боязнь неприятных и неверных оценок, стоическое ли равнодушие к известности и мнению "общества"... Бог весть. Я не решаюсь тут ничего утверждать, но картина недетской, одержимой погруженности в свое дело — налицо. Сам художник связывает свой тип поведения со своеобразной "родовой" памятью: "Прадед у меня был священник, и вот его, видимо, какая-то самодостаточность передалась мне".

Парадокс в том, что художник евангельский завет о детях не только помнит, но и исполняет, — но не в жизни, стоически отрешенной, а в своей живописи, по-детски раскованной и стихийной. И об этом он тоже говорит, вспоминая счастливый послевоенный год работы в детском доме: "Первичная — детская, лишенная всяких идеологий, всех этих

предназначений жизнь, эти десять месяцев, которые я провел в детдоме, очень меня укрепили, укрепили веру в силу человеческого естества, в натуральную жизнь, без всяких этих наносных глупостей".

Художественная система автора — это некие "детские", простоудушно-фантастические мотивы на тему "пересоздания" существующего природного мира, создание какого-то иного его варианта, иной "эволюции". Здесь люди сохраняют какие-то рудиментарные элементы растений или животных, а создания технического разума органично входят в живую природу. И все эти полулюди, полурастения, полуроботы порхают и движутся на картинах Муравьева, создавая какой-то новый мир существ, узнаваемых и неузнаваемых одновременно. Подвижная, легкая линия "закрывает" форму, тончайшие градации цвета ее "летят", и вот уже перед нами не плейбойский картон, суровый, как сам художник, а какой-то детский праздник "естества", не заботящегося о том, чтобы выглядеть, "как подобает". Монстры, монстрики, странные, нелепые существа рождаются словно у нас на глазах, как рождается новая Афродита из взметнувшихся на картоне красно-желтых сполохов, Афродита, у которой (как может быть только в детском представлении) совсем нет "тела", воспетого множеством художников, а есть лишь легкость и изящество оперения ("Пенорожденная").

На фоне чернушной беспросветности многих современных живописцев (да и не только живописцев) эта детская, "порхающая", не расколотая гамлетовской рефлексией, целостная радость бытия просто поражает, тем более что достигается она с помощью далеких от канонических представлений о красоте. Тут в основе детский рисунок, народный лубок, уроки Врубеля и Филонова и собственная фантазия.

Стоик... Ребенок... Ну что ж, наш век, не самый "приспособленный" для искусства, порой порождает такие парадоксальные сочетания.



В.Муравьев. Святой Георгий.